

Страны постсоциалистической периферии в поисках новой модели безопасности

Батсайхан Авирамед

Сам термин “периферия” не столько отражает географические координаты соответствующих территорий, сколько положение к мировым и региональным “центрам силы” сосредоточение в этом пространстве интересов различных европейских держав, в том числе и России.

В отличие от своего исторического предшественника – Российской империи – Советскому Союзу удалось разрешить проблему “периферии” в свою пользу, то есть установить в целом geopolитический контроль над Центральной Европой и Балканами, Кавказом и Центральной Азией, включая Монголию. Но при этом на западной периферии сохранялось идеологическое соперничество западноевропейских государств и СССР. А на Востоке Китай, напрягая Советский Союз, нависал над Монголией.

Роспуск Организации Варшавского договора, дезинтеграция мировой сверхдержавы – советского государства и соответственно распад bipolarной системы изменили geopolитическую ситуацию в Европе.

Стратегическое превосходство Запада стало ярко выраженным.

В этих условиях, казалось бы, проблема европейской безопасности в ее историческом понимании как угрозы с

Востока была разрешена: “холодная” война, как отмечали многие западные политологи, закончилась победой Запада над СССР. Исходя из этого, следовало бы ожидать, что оборонная идентичность западноевропейских стран будет пересмотрена.

Но этого не произошло. Напротив, военные структуры НАТО стали смещаться на Восток, все более приближаясь к границам России. При всех заявлениях западных столиц о том, что эти действия не направлены против России, последняя оценивала их как угрозу своей безопасности.

В свою очередь страны бывшей советской периферии поменяли спонсоров и стали периферией Запада. Более того, решили связать свою безопасность с военными структурами НАТО.

А нализ современных тенденций европейской интеграции свидетельствует о том, что суть перемен состоит не в простом расширении ЕС и НАТО

за счет приема ряда стран Центральной Европы, а в смене ценностно-нормативных ориентиров центральноевропейских государств.

В Центральной Европе перемены вызревали давно.

Политические кризисы и восстания 50-х, 60-х и 70-х годов в ГДР, Польше, Венгрии и Чехословакии тому свидетельство¹.

“Предвестниками бури” конца 80-х годов XX столетия являлись кризисы в Центральной Европе: ГДР и Польше, Венгрии и Чехословакии².

Присутствие советских войск в регионе способствовало становлению коммунистических режимов, но существенно не поколебало социокультурные основы перечисленных стран. Даже в условиях сильнейшего военно-политического и экономического давления со стороны СССР было заметно, что образ жизни стран Центральной Европы резко отличался от образа жизни в СССР. Когда же внешнее давление Советского Союза ослабло, “бархатные революции” поставили последнюю точку: Центральная Европа, назвав свой новый внешнеполитический курс “возвращением в Европу”, сделала резкий поворот в сторону Запада.

По мнению политологов, парадокс состоял в том, что, отправляясь “в поход за обретение европейской идентичности, страны ЦВЕ обрели … идентичность не столько европейскую, сколько атлантическую”³, ибо попали под плотную опеку натовско-американских политиков и военных. Если практически все участники нового этапа расширения Европы ожидали многоного от вхождения стран ЦВЕ в ЕС и НАТО, но вряд ли кто мог полагать, что новички могут быть с ходу “использованы в качестве инструмента противостояния между противоборствующими группировками внутри НАТО и ЕС”³.

Ситуация расширения НАТО и ЕС на Восток свидетельствовала о со-

хранении стереотипов не только “холодной” войны, но и упомянутых исторических и гипертрофированных страхов стран Центральной и Западной Европы в отношении реальной и мифической угрозы с Востока: во внутриполитической конъюнктуре ЦВЕ традиционного разыгрывалась карта “угрозы с Востока”.

Таким образом, в постбиполярной политике стран периферии просматривалась историческая культура стран региона, вынужденных быть geopolитическим буфером между империями и военно-политическими союзами или их разменной картой.

Следует оговориться, что страны ЦВЕ, которые входили в довоенные империи, хотя и подчинялись внутримперской иерархии отношений, но вряд ли являлись “геополитическим буфером”.

3 начимый стратегический статус центральноевропейского региона объясняется тем, что он расположен на стыке границ великих европейских держав⁴. Империи являлись или противовесом России, или вместе с ней противовесом все той же Западной Европе в лице Франции и Англии.

Как считает один из исследователей Центральной Европы А.Миллер, впервые попытку идентификации региона как особой контактной зоны осуществил один из лидеров чешского национального движения Ф.Палацкий, обративший особое внимание на многонациональный состав территорий Центральной Европы⁵.

Исследователи отмечают, что в странах периферии рациональный подход на основе национального интереса часто былнейтрализован исторической памятью и особенностями национальной, в частности политической культуры.

Как пишет швейцарский ученый У.Альтерматт, “гораздо сильнее, чем в Западной Европе, люди, места и даты в качестве моментов коллективной памяти присутствуют в воспоминаниях народов Центральной

Европы и символизируют постоянную борьбу этих народов против "варваров" с Востока"⁶.

У.Аттетерматт отмечает тот факт, "что люди этого региона больше склонны служить внутренние пространства Европы, чем западноевропейцы. Рассматривая себя в качестве европейцев, они в большинстве случаев, скрыто и явно, ограничиваются от других соседей на Востоке, в первую очередь ... от русских"⁶ именно в силу их принадлежности к православию. Это можно увидеть в Польше, где доминирует католическая религия. Как однажды сказал один из европейских политиков, "Европа заканчивается там, где начинается православие"⁷.

Периферийные территории, по Ларсену, "играли роль «оборонного рубежа»".

В то же время ученый считает, и с этим можно согласиться, что периферийные территории трудно было полностью интегрировать в то или иное имперское государство: они всегда носили в себе потенциал автономизации и сепаратизма. И это связано именно с geopolитическими переменными, сопряжением интересов соседствующих в периферийно-контактных зонах государств – "центров силы" европейской региональной системы. Причем, когда вопрос об интеграции той или иной периферийной территории не мог быть решен в пользу одного-двух государств, то соперничающие "центры силы" шли на создание государства-буфера.

Так, например, произошло после окончания Первой мировой войны, когда при непосредственном участии великих держав были образованы Югославия и Чехословакия.

Нарушение геополитического баланса в Европе в связи с распадом bipolarной системы международных отношений привело к распаду этих государств. Причиной этого были не только внутренние противоречия. Разбалансированная стратегическая ситу-

ация сделала проблему межэтнических отношений особенно острой. Другими словами, политический процесс в указанных странах во многом определялся их расположением "внутри более широкой структурной «карты» геополитического влияния"⁸.

Политические процессы в окаймляющих СССР странах социалистического лагеря на рубеже 80–90-х годов приводят к их политической и идеологической переориентации и начале формирования обществ иной ценностной системы.

Это привело к изменению их внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии.

Общей тенденцией стала углубляющаяся интеграция постсоциалистических стран с европейскими структурами безопасности и экономического сотрудничества, что существенно изменило международную ситуацию на пространстве периферии, формируя здесь новые субрегиональные "центры силы".

За отмеченный период на периферии сформировались свои лидеры, претендующие на активную роль в своей региональной политике.

Среди последних следует выделить Польшу. Амбиции современных польских элит свидетельствуют, что неспокойный "дух шляхты" жив. Теперь они уже не удовлетворяются прежним положением геополитического буфера между Западом и Востоком и не желают быть периферией советской сверхдержавы. Варшава всеми своими действиями показывает, что она уже не новичок, а полноправный участник европейского процесса и претендует быть в центре европейской политики.

Не все страны ЦВЕ столь активны как Польша.

Венгрия, Чехия и Словакия, определившись со своей европейской идентичностью, основное свое внимание сосре-

доточили на решение внутренних проблем. Не во всем и не всегда это удается – геополитическое положение периферийного рубежа двух миров – Востока и Запада продолжает определять их судьбу. Так, их “возвращение в Европу” стало возможно только по дороге, которую им указал Запад – вступление в НАТО и ЕС, а это не только защита их демократии и суверенитета, но и определенная стратегическая роль.

Например, Вашингтон, намереваясь разместись в Чехии ПРО, опять навязывает этой стране роль “переднего рубежа”. И в этом смысле Чехия уже не центрально-европейская страна, а периферия Евроатлантического сообщества.

На восточной периферии постсоциалистического лагеря иная ситуация. Расспуск СЭВ и распад Советского Союза коренным образом изменил международные позиции Монголии. С одной стороны, он улучшил независимый статус Монголии, а с другой – он поставил страну перед серьезной дилеммой безопасности.

Распад СССР привел к глобальным геополитическим сдвигам, одним из которых явился развал стратегического треугольника времен “холодной” войны СССР – США – КНР и улучшение китайско-российских отношений. И первое и второе положительно сказались на геополитическом и в какой-то мере геоэкономическом положении Монголии.

В период между 1952 и 1962 гг. – десятилетие более дружественных отношений между СССР и КНР – Монголия получила немало выгод от взаимного сотрудничества с ее соседями, пока те не вступили в полосу конфронтации. Поэтому восстановление нормальных китайско-российских отношений можно рассматривать как фактор, открывающий перед Монголией новые возможности.

Кроме того, появление новых центральноазиатских независимых государств предоставляет Монголии возможность выхода во внешний мир, минуя и Россию, и Китай.

Однако распад СССР оказал серьезное негативное воздействие на Монголию. Самым непосредственным и осязаемым результатом был суровый экономический кризис, поскольку Монголия зависела от Советского Союза не только в плане большой экономической помощи. Распад СССР был только внешней причиной экономического кризиса в Монголии, так как были и внутренние причины. Последние заключались в давно назревавших социально-экономических проблемах. Но решить эти проблемы без самих монголов было не возможно.

Монгольские элиты оценили критическую ситуацию скорее не как катастрофу, а как цивилизационный вызов и шанс построить по-новому отношения с внешним миром.

Учитывая фактическое отсутствие эффективной национальной и/или региональной системы безопасности, другой угрозой Монголии является локальная напряженность, образовавшаяся на ряде территорий китайских и центральноазиатских районов, примыкающих к Монголии или близких от нее. Для Монголии нет путей, чтобы она могла обезопасить себя от вовлеченности в подобные конфликты, будь это этнические и религиозные волнения или наплыв в страну беженцев. Очевидно, Монголии не хватает политических, экономических и военных средств, чтобы защитить себя или оказать влияние на конфликтующие стороны. Поэтому Монголия, с одной стороны, надеется на Москву и Пекин, а с другой – на помощь и поддержку других стран.

В отличие от прошлого, когда судьба Монголии определялась ходом раз-

вания китайско-российских отношений, вес в монгольских делах США и Японии, а также других западных стран значительно растет. Можно сказать, что geopolитическая мечта монголов вырваться из дружественных или не очень дружественных объятий своих ревнующих друг друга исторических соседей и иметь третьего партнера становится реальностью.

В общем-то понятно и оправдано, почему монголы хотят иметь третьего партнера.

Во-первых, сама многополярность мира и глобализация объективно открывают дорогу другим государствам в эту периферию мира, богатую природными ресурсами.

Во-вторых, Улоан-Батор считает, что помимо таких важных выгод, как экономическая помощь, инвестиции и контакты между людьми, наличие сильного третьего партнера было бы существенно важным противовесом в отношениях Монголии с ее непосредственными соседями.

В-третьих, Монголия знает на своем длительном опыте, что существование лишь между двумя конкурирующими сверхдержавами может быть фатальным для любого периферийного государства, игравшего роль геополитического буфера, поскольку это может означать или союз с одним и отчуждение от другого. Монголия больше, чем какая-либо другая страна, испытывала негативные последствия такого положения в прошлом, когда она стала задворками сначала одной, а затем другой империи.

В настоящее время Монголия уже фактически приобрела или находится в процессе обретения важного для нее третьего партнера.

Это не США, как может показаться кому-либо со стороны. Это – не одна страна, а несколько стран, включая Японию, Южную Корею и Германию, а также международные финансовые и

экономические институты, такие как Мировой банк, МВФ, Азиатский банк развития и другие.

Этого “коллективное” партнерство позволяет Монголии держать двери открытыми миру и успешно продолжать радикальные экономические и политические реформы. В этом плане национальная стратегия Монголии принципиально отличается от стратегий постсоциалистических стран на западной постсоветской периферии.

В то же время следует указать, что, хотя перспективы Монголии на будущее выглядят достаточно обещающими в плане экономического восстановления и роста, они не выглядят столь розовыми с точки зрения ее интересов национальной безопасности. Это отчасти потому, что третий партнер является коллективным, и он, главным образом, занят экономическими вопросами.

Есть две причины того, почему Монголия не чувствует себя уверененной в отношении своей безопасности.

Во-первых, монголы, имеющие длительную историю вовлеченности в союз с СССР, все еще привыкли связывать безопасность с определенными соглашениями, обязательствами и гарантиями. Отсутствие этих гарантий, естественно, создает чувство уязвимости.

Во-вторых, прошлая и современная история свидетельствуют, что на деле все коллективные усилия по обеспечению безопасности малого государства проваливаются. Возможно, это потому, что так называемая “коллективность” подразумевает сложение и неизбежное столкновение различных интересов, создавая, таким образом, препятствия для решительных действий.

Даже если предположить, что однажды Монголия получит реальные гарантии безопасности от ее “третьего партнера”, она все равно должна будет иметь дело с реальностью географии, то есть с положением между Китаем и Рос-

сией. Даже в начале XXI в. этот фактор все еще имеет ключевое значение и, наиболее вероятно, будет иметь его еще долго. Поэтому Монголия не полагается ни на одну сторону еще в общем-то гипотетического треугольника.

Несмотря на быстро развивающиеся отношения с Японией, Соединенными Штатами и другими странами и их поддержку усилий Монголии по демократизации и формированию рыночно ориентированной экономики, Россия и Китай и состояние отношений между ними продолжают оставаться важным фактором, влияющим на судьбу Монголии. Более того, эти соседи

все-таки привычнее, а если говорить о России – надежнее и проверенные на практике в плане человеческих контактов. С другой стороны, в интересах Монголии, чтобы китайско-российское сотрудничество в этом регионе было успешным. И Монголия готова присоединиться к любым усилиям, направленным на поддержание и региональной стабильности.

Пример Монголии свидетельствует, что страна нашла свою оригинальную модель безопасности, построенную не на оппозиции к своей бывшей “метрополии”, а на балансе и совпадении интересов с ней и другими странами.

Таким образом, на западной периферии именно интеграция стран Центральной Европы в политические, военные и экономические структуры Запада формируют вызовы европейской безопасности и представляет собой основную проблему в процессе формирования новой европейской идентичности, в том числе в контексте отношений ЕС с Россией. Это связано с существенной трансформацией ЕС и НАТО количественно и качественно за счет стран Центральной Европы. Политическая ответственность за современный этап европейского процесса лежит, прежде всего, на государствах Западной Европы. Они инициировали или дали согласие на “возвращение” бывших стран соцлагеря в европейское лоно. Они же являются экономическими гарантами этого этапа. В свою очередь, от самих стран и народов Центральной Европы зависит, как они преодолеют свои комплексы и сохранят ли они свою идентичность в ходе интеграции в ЕС и НАТО.

На восточной периферии постсоциалистического пространства невхождение Монголии в союзы и поддержание равнозначных отношений как со своими велики соседями, так и “третьей стороной” является оптимальным для ее безопасности и для позитивного развития монгольско-российских отношений.

Примечания

- ¹ Лундестад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996. М., 2002. С. 247–250, 269–272.
- ² Мусатов В. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996.
- ³ Давыдов Ю.П. Новый атлантизм против старого европеизма // Европейская безопасность. 2003. № 8. С. 9.
- ⁴ Россия – Восточная Европа: вместе или рядом? М., 1995.
- ⁵ Миллер А.И. Центральная Европа: история концепта // ПОЛИС. 1996. № 4. С. 118.
- ⁶ Альтерматт У. Этно-национализм в Европе. М., 2000. С. 295, 294.
- ⁷ НГ – Религии. 2003.18.06.
- ⁸ Ларсен Ст.У. Моделирование Европы в логике Роккана // Политические исследования (ПОЛИС). 1995. № 1. С. 53.